

Литература

1. Новицкий И.Б. История советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1957. – С.271.
2. СУ РСФСР 1927. – №38. – ст. 248.
3. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1961 гг. – М., 1961. – С. 418.
4. Положение о единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, утв. постановлением Правительства РФ №1113 от 5 ноября 1995 г., пункт 24. – СЗ РФ. – 1995. – №46. – Ст. 4459.
5. СЗ РФ. – 1996. – №23. – Ст. 2750.

Л.П. Чумакова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Новосибирский филиал Юридического института Томского государственного университета

Религиозные объединения включаются в правовую систему как субъекты государственно-, административно-, гражданско-правовых, трудовых и многих других отношений. Представляет интерес рассмотрение каждой группы указанных правовых отношений. В данной работе нами предпринята попытка проанализировать, используя сравнительно-правовой и исторический методы исследования, особенность взаимоотношений религиозных объединений и государства. Известно несколько моделей отношений государства и религиозных объединений: договорная (конкордатная), плюралистическая, государственная церковь и отделение церкви от государства. Две последние модели являются наиболее распространенными.

Конкордатная модель отношений предполагает наличие соглашения (договора) между правительством какого-либо государства и Ватиканом, в котором определяется характер и содержание взаимоотношений государства и католической церкви в данной стране. Конкордаты широко использовались Ватиканом в XIX в. Одним из самых знаменитых был договор 1801 г. между Наполеоном и папой Пием VII, который объявлял католицизм религией большинства французов. Архиепископы и епископы назначались правительством, после чего папа давал им каноническое утверждение. Священники назначались епископами с согласия правительства. Духовенству устанавливалось постоянное государственное жалование. В таком подчиненном государству положении церковь во Франции продолжала оставаться на протяжении всего времени действия конкордата до момента отделения церкви от государства в 1905 г.

Конкордат Ватикана с Испанией, существовавший с 1851 по 1868 г. ставил католическую церковь в особо привилегированное положение. Договор с Австрией (с 1855 по 1874 г.) дал возможность католическому духовенству получить широкие права в обла-

сти народного образования, брака, взаимных отношений между вероисповеданиями.

Конкордат с Россией существовал с 1847 по 1863 г. [1, с. 710, 807].

Плюралистическая модель основана на признании государством свободы и равенства всех религий и вероисповеданий.

Статус одной из религий в качестве государственной предполагает его официальное закрепление в законодательстве. В качестве признаков государственности церкви называются: тесное сотрудничество государства и церкви, установление в отношении последней налоговых и иных привилегий, возврат в собственность когда-либо изъятого у церкви имущества, финансовая поддержка со стороны государства, передача церкви ряда государственных функций прежде всего в сфере регистрации актов гражданского состояния (рождения, смерти, брака) и регулирования брачно-семейных отношений, активное участие церкви в политической жизни страны, в воспитании молодежи, преподавание религии в учебных заведениях и т.д. [2, с. 87–88].

Крайним проявлением государственности религии является ислам. Свод правовых и теологических нормативов ислама составляет шариат (мусульманское право), который представляет собой универсальный регулятор всех сторон жизни общества.

До 1918 г. Россия относилась к числу государств, имеющих православие в качестве государственной религии и Русскую Православную Церковь в качестве государственной церкви.

Целью настоящей работы не является изложение истории Русской Православной Церкви. Вместе с тем анализ церковно-государственных отношений в динамике может способствовать выявлению тенденций их развития в будущем. Взаимоотношения церкви и государства в России на протяжении многих веков развивались от независимости и приоритета церкви

перед государством до государственного управления церковью и их полного отделения друг от друга. Эволюция взаимоотношений Православной Церкви и Российского государства включает в себя несколько этапов.

Современные авторы восприняли периодизацию истории Русской Православной Церкви, предложенную А. Карташевым, которая включает в себя четыре периода до 1918 г. [3, с. 11]. Первый период – Киевская Русь – характеризовался преклонением удельных князей перед авторитетом церкви. Это объяснялось заимствованием православия в Византийской империи и несоизмеримостью положения местных князей с положением главы церковной иерархии на Руси митрополита, который направлялся самим Византийским императором и рукополагался (возводился в степень священнослужения) Вселенским патриархом.

В этот период Русская Церковь, используя свой авторитет, направляет процесс объединения разрозненных княжеств, способствует созданию единого государства.

Второй этап истории Русской Православной Церкви совпадает с периодом татаро-монгольского ига, когда церковь и духовенство были поставлены завоевателями в привилегированное положение по сравнению с княжествами. Это позволило сохранить такую структуру организации церковного управления, которая стала единственно объединяющим Русь началом и опорой формирования Российской государственности. Среди мелких, изможденных набегами и поборами татар, удельных княжеств только титул Киевского митрополита «Всея Руси» напоминал о Руси как таковой [4, с. 11–12].

Третий период, который наступает в XV в., характеризуется обособлением Русской Православной Церкви от Константинопольского патриархата, постепенным подчинением церкви государству. Кандидатура первого независимого русского митрополита была определена царем Василием II, хотя официально избиралась Поместным Собором. Иван Грозный убирал и уничтожал всех митрополитов, перечивших и не подчинившихся ему, что сильно пошатнуло авторитет церкви [5, с. 69].

Наиболее показательным проявлением режима государственной церкви в России явился Синодальный (четвертый) период, связанный прежде всего с именем Петра I и характеризующийся резким изменением взаимоотношений церкви и государства. Государство подчиняет себе церковь, устраняет патриаршество и вводит новую форму высшего церковного управления – Синод.

Установление примата государства над церковью объяснялось использованием территориального принципа построения их отношений. Данный принцип предполагает подчинение и государственное управление всем, что находится на территории государства, включая все религии, церкви, секты и т.д.

Внешним проявлением приоритета государственной власти в церковном управлении стало ведение синодального делопроизводства под грифом: “По указу Его Императорского Величества” с изображением царского герба [6, с. 329].

Представляет сложность однозначное определение начала Синодального периода. Торжественное открытие Духовной Коллегии состоялось 14 февраля 1721 г. Вместе с тем фактически патриаршество прекратилось в 1700 г. со смертью последнего русского патриарха Адриана. Отложение вопроса об избрании нового патриарха уже свидетельствовало о начале изменений существующих отношений с церковью. В 1711 г. Сенату передаются особые полномочия в отношении церкви [7, с. 131].

Синодальный период в России просуществовал до 1917 г., когда Всероссийским Собором был принят проект договора об отношениях церкви и государства. А также закреплялось за церковью каноническое право самоуправления, законодательства и суда [8, с. 369].

В результате реформы высшего церковного управления, составившей основное содержание Синодального периода, главой церкви вместо патриарха становится монарх, который осуществляет церковное управление посредством государственной Духовной Коллегии. Монарх активно вмешивается в церковные дела, создает новые и восстанавливает уже известные структуры для решения церковных дел, назначает их руководителей и других служащих. Так был восстановлен Монастырский приказ в качестве одного из органов церковного управления.

Компетенция Духовной Коллегии определялась Духовным Регламентом. В состав Духовной Коллегии входили назначенные монархом члены коллегии, которые присягали в Сенате на верность службе царю. Штат Духовной Коллегии также определялся Сенатом.

Период возникновения Духовной Коллегии в то же время стал периодом ее преобразования в Святейший Правительствующий Синод, споры о равнозначности которого Сенату продолжались не одно столетие. Такое кардинальное преобразование было обусловлено рядом причин. И прежде всего невозможностью “тянуть узкий костюм коллегии на широкое тело церкви” [9, с. 354]. Универсальность компетенции Духовной Коллегии никак не могла быть приравнена к деятельности обычных государственных коллегий. Вместе с тем церковь являлась одним из ведомств государственного аппарата – Ведомством Православного Исповедания (ВПИ). Это наименование отражалось на всех официальных бумагах церковного управления Синодального периода.

Функции государственного надзора за деятельностью Синода были возложены на Обер-прокурора (“око государево”), который с XIX в. стал возглавлять церковное управление, превратившись в “министра над церковью” [10, с. 370].

Значение Синодального периода в истории русской церкви и ее взаимоотношений с государством оценивается неоднозначно. Известный специалист по истории Русской Церкви А.В. Карташев придерживается позитивной оценки Синодального периода. Подчеркивая, что церковь не только не лишилась свободы, а, напротив, улучшилась качественно и увеличилась количественно, А.В. Карташев писал: "По сравнению с предыдущим патриаршим периодом, Русская Церковь почти десятикратно возросла количественно за время Синодального периода. На 21 миллион всего населения России при Петре Великом, с приблизительно 15-ю миллионами православных, Россия времени Николая II по последней переписи 1915 г. числила в себе 182 миллиона, из них 115 миллионов православных. В патриаршем периоде Россия имела 20 епархий с двадцатью епископами. Кончила свой императорский период Русская Церковь при 64 епархиях и приблизительно 40 викариатствах, возглавляемая более чем 100 епископами. Числилось в ней: свыше 50000 церквей, 100000 духовенства, до 1000 монастырей с 50000 монашествующих. Она обладала 4-мя Духовными Академиями, 55 Семинариями, 100 Духовными училищами, 100 Епархиальными училищами, с 75 тысячами ежегодно учащихся."

Этот количественный рост не есть только автоматический результат роста населения. Это и результат активного систематического внутреннего и внешнего миссионерства Русской Церкви в такой мере, как никогда еще раньше его не практиковалось. Миссионерские приобретения Русской Церкви, вне наследственного прироста православного русского населения, должны были исчисляемы в несколько миллионов" [11, с. 317].

Вместе с тем многие исследователи давали резко негативные оценки Синодальному периоду в истории Русской Церкви. Так, Д.В. Поспеловский с возмущением оценивает Духовный Регламент как манифест, "наполненный ядом и презрением к церковному преданию, русскому духовенству и каноническому праву", определяющий церковь как "объединение Божьего народа в общество для лучшего знания друг друга и помощи в защите от врагов".

Характеризуя Петра I как тоталитариста, Д.В. Поспеловский отмечает гонения на независимое мыслящее духовенство, введение цензуры в монастырях и обязанности священника раскрывать тайну исповеди полиции, выселение монахов и занятие их мест военными инвалидами, отставными бездомными солдатами, офицерами и их семьями, направляемыми в монастыри государством, сокращение государственных расходов на церковь. Репрессии в отношении церкви продолжались и после смерти Петра I. Закрывались монастыри, отбиралось в казну их имущество и т.д. [12, с. 133, 137, 139].

Г. Флоровский, характеризуя личность автора Духовного Регламента Феофана Прокоповича, гово-

рил, что ему удалось изнасиловать церковь. А первые десятилетия существования Синода оцениваются Д.В. Поспеловским как диктатура Ф. Прокоповича [13, с. 135, 137].

Отмена крепостного права, глубоко зашедшее государственное регулирование церковной жизни, назначение священников, отстранение основной массы мирян от решения внутренних церковных вопросов, рост старообрядчества обусловили потребность церковной реформы и формирования принципиально новой модели государственно-церковных отношений. Объединение радикального духовенства "Союз церковного обновления" уже в 1905 г. одним из главных своих требований выдвигало отделение церкви от государства, введение демократических принципов в церковной жизни, выборность духовенства на всех уровнях, участие мирян в управлении церковью и т.д.

Окончанием Синодального периода явился созыв Поместного Собора 1917–1918 гг., восстановившего патриархальную систему управления церковью. Многовековой опыт государственности предопределяет современную позицию Русской Православной Церкви, которая не претендует на роль церкви государственной, стремится сосредоточить усилия на совершенствовании взаимоотношений в рамках модели отделения церкви от государства.

Отделение церкви от государства представляет собой принцип, который требует совершенно четкого определения своего содержания. Поверхностное восприятие его как невмешательства во внутренние дела религиозных объединений мало что раскрывает. Отсутствие единообразного понимания и применения этого конституционного принципа (ст. 14 Конституции РФ) позволяет использовать его в диапазоне от фактического запрета и разгона религиозных объединений до полного попустительства со стороны государства.

Впервые провозглашение в советской России этого принципа Декретом от 20 января 1918 г. было воспринято как возможность отобрания всей церковной собственности, разрушения храмов, уничтожения религиозной литературы, духовенства и рядовых верующих [14, с. 25].

Адекватное выполнение религиозными объединениями своих функций возможно только в случае установления и законодательного закрепления баланса интересов их и государства, который заключается в установлении пределов государственной регламентации религиозной деятельности и одновременно пределов проникновения религиозных объединений в сферу деятельности государства.

Правоведами предпринимались редкие попытки предложить критерии отделения церкви от государства. В том числе такие: церковь не выполняет каких-либо государственных функций; не вмешивается в дела государства; занимается только вопросами, связанными с удовлетворением религиозных по-

требностей граждан; государство не оказывает церкви материальной или какой-либо иной, в том числе финансовой, поддержки; государство не контролирует отношение своих граждан к религии и не ведет учет по этому признаку; государство не вмешивается во внутрицерковную деятельность, в частности в вопросы внутреннего самоуправления религиозных объединений, их взаимоотношения с верующими, расходование средств и т.д. [15, с. 89].

По целому ряду серьезных позиций с автором нельзя не согласиться. Например, безусловно, государство не должно вести учет граждан в зависимости от их отношения к религии. Вместе с тем несколько обобщенно выглядит указание на невмешательство церкви в дела государства и невыполнение ею каких-либо государственных функций. Совершенно очевидно разграничение сфер деятельности государства и религиозных объединений, и тем не менее в их совместном ведении могут находиться и находиться такие функции, как миротворческая, благотворительная, отчасти воспитательная и др.

Не можем согласиться с мнением автора о невмешательстве государства в вопросы взаимоотношений религиозных объединений с верующими. Общественные отношения в цепочке государство – рели-

гиозное объединение – гражданин должны остаться правовыми. Это особенно целесообразно на временном этапе, когда после длительного периода атеизма массы людей устремились к религии. В большинстве случаев не осознавая всех возможных нравственных, физических и материальных последствий своего взаимодействия с религиозными объединениями. Никакой другой механизм, кроме правового, не способен обеспечить защиту осуществления прав граждан на свободу совести и исповедания. Подробнее этот вопрос требует разрешения в рамках проблемы определения правового статуса участника религиозного объединения.

Отсутствие разработанного и законодательно закрепленного содержания принципа отделения религиозных объединений от государства позволило некоторым авторам сделать спорный вывод о создании в России на современном этапе особой модели, связанной на идее культурно-исторической избирательности традиционных конфессий [16, с. 25].

Формирование новой, отвечающей потребностям времени, концепции государственно-религиозных отношений невозможно без определения содержания принципа отделения религиозных объединений от государства.

Литература

1. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. / С.С. Аверинцева, А.И. Мешкова. и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
2. Морозова Л.А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. – 1995. – №3.
3. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995.
4. Поспеловский Д.В. Там же.
5. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР: Учеб. пособие. – М., Библейско-богословский институт Св.Апостола Андрея, 1996.
6. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – Т.2. – М.: Терра, 1997.
7. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М., 1996.
8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – Т. 2. – М.: Терра, 1997.
9. Карташев А.В. Там же.
10. Карташев А.В. Там же.
11. Карташев А.В. Там же.
12. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – 1996.
13. Д.В. Поспеловский. Там же.
14. Декрет от 20 января 1918 г. "О свободе совести, церковных и религиозных обществах". Русская Православная Церковь и историческое государство. 1917-1941. – М., 1996.
15. Морозова Л.А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. – 1995. – №3.
16. Салыгин Е. Каким быть государственно-церковным отношениям в России? // Российская юстиция. – 1998. – №2.